

Энн Наполитано

Привет, красавица

Роман

phantom press

Москва

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)
Н27

HELLO BEAUTIFUL by ANN NAPOLITANO

Copyright © 2023 by Ann Napolitano

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии Jenny Meyer Literary Agency

Перевод с английского Александра Севастьянова
Редактор Игорь Алюков

Оформление обложки Елены Сергеевой

Энн Наполитано

Н27 Привет, красавица: Роман / Пер. с англ. А. Севастьянова. — М.: Фантом Пресс, 2024. — 512 с.

Уильям вырос в доме, замолкшем из-за трагедии, его родители с трудом могли смотреть на него, не говоря уже о том, чтобы выказывать к нему любовь. С облегчением он уезжает в университет, где встречает Джулию, так непохожую ни на его родителей, ни на него самого, — открытую, энергичную, уверенную, глядящую в будущее, а не в прошлое. У Джулии замечательная семья, любящие родители и три сестры. Сильвия — мечтательница, вечно погруженная в книги. Цецилия — художница и чуточку бунтарка. И тихая Эмелин, которая заботится обо всех. Сестры очень близки, они делятся друг с другом и мыслями, и чувствами, и мечтами. Уильяму в диковинку столь теплые отношения, он был бы счастлив влиться в такую семью, но где ему — запертому в несчастливом прошлом. И все же он оказывается окружен симпатией, дружбой и любовью. Но однажды тьма из детства Уильяма поднимается на поверхность и переворачивает его новый, уже устоявшийся уютный мир, взрывая заодно и гармонию в семье четырех сестер. «Привет, красавица» — роман о том, способна ли любовь возродить сломленного человека, может ли она противостоять уязвленному самолюбию, отчуждению, предательству, нежеланию понять и простить. Очень мощная и в то же время щемяще-нежная история, в которой нет правых и неправых, а есть только жизнь во всех ее удивительных проявлениях.

ISBN 978-5-86471-979-4

© «Фантом Пресс», перевод, оформление, издание, 2024

Думал ли кто, что родиться на свет — это счастье?
Спешу сообщить ему или ей, что умереть — это такое же счастье,
и я это знаю.
Я умираю вместе с умирающими и рождаюсь вместе с только что
обмытым младенцем,
я весь не вмещаюсь между башмаками и шляпой.
Я гляжу на разные предметы: ни один не похож на другой,
каждый хорош.
Земля хороша, и звезды хороши, и все их спутники хороши*.

Уолт Уитмен, «Песня о себе», стих 7

* Перевод К. Чуковского.

Уильям

Февраль 1960 — декабрь 1978

Первые шесть дней жизни Уильям Уотерс был не единственным ребенком в семье. У него имелась трехлетняя сестра, рыже-волосая Каролина. Немые кадры домашней кинохроники запечатлели ее вместе со смеющимся отцом. Таким Уильям его не видел никогда. На пленке отец выглядит счастливым, его рассмешила рыженькая кроха, которая, натянув подол на голову, со смехом носится кругами. Уильям с мамой еще были в роддоме, когда у Каролины взлетела температура и возник кашель. По возвращении мамы с малышом домой девочка вроде бы пошла на поправку, хотя кашель по-прежнему был скверный, но однажды утром родители, зайдя в детскую, нашли ее в кроватке мертвой.

С той поры отец с матерью никогда не говорили о Каролине. В гостиной на журнальном столике стояла ее фотография, которую Уильям иногда разглядывал, удостовераясь, что у него все-таки была сестра. Семейство переехало в крытый синей черепицей дом на другом конце Ньютона, пригорода Бостона, и в том жилище Уильям был единственным

ребенком. Отец, служивший бухгалтером, надолго отбывал в деловую часть города. После смерти дочери лицо его всегда было замкнутым. В гостиной мать дымила сигаретами и пила бурбон, иногда одна, иногда в компании соседки. У нее была коллекция мятых кухонных фартуков, и она переживала из-за всякого пятна, во время готовки посаженного на передник.

— Может, лучше его не надевать? — однажды сказал Уильям, когда мать, вся красная, чуть не плакала, глядя на темную кляксу подливки. — Обвяжись посудным полотенцем, как миссис Корнет.

Мать посмотрела на него так, словно он заговорил по-гречески.

— Миссис Корнет, соседка, — повторил Уильям. — Посудное полотенце.

С пяти лет он почти ежедневно уходил в парк неподалеку, прихватив с собою баскетбольный мяч, поскольку в баскетбол, в отличие от бейсбола и футбола, можно играть одному. В парке была безнадзорная площадка, обычно пустая, и Уильям часами бросал мяч в кольцо, воображая себя игроком «Бостон Селтикс». Кумиром его был Билл Расселл*, но для роли центрального требуется партнер, чьи броски можно заблокировать, и потому Уильям представлял себя Сэмом Джонсом, лучшим атакующим защитником, стараясь подражать его идеальной игровой манере, а деревья вокруг площадки изображали шумных ботельщиков.

* Билл Расселл (1934—2022) — американский чернокожий профессиональный баскетболист, пять раз признавался самым ценным игроком НБА. — *Здесь и далее примеч. перев. и ред.*

Как-то раз, уже лет в десять, он пришел в парк и увидел, что площадка занята. Человек шесть мальчишек, его, наверное, ровесники, гоняли мяч от кольца к кольцу. Уильям хотел уйти, но один паренек окликнул: «Эй, будешь играть?» — и, не дожидаясь ответа, прибавил: «Давай за синих». Чувствуя, как бьют сердце, Уильям мгновенно влился в игру. Он получил мяч и тотчас отдал пас, не отважившись на бросок, ибо промах выставил бы его паршивым баскетболистом. Через несколько минут матч резко закончился, поскольку кому-то было пора домой, игроки разбежались. На пути к дому сердце Уильяма все еще колотилось. С тех пор мальчишки иногда появлялись на площадке. Визиты их были бессистемны, но они всегда принимали Уильяма в игру как своего, что неизменно поражало. Обычно и дети, и взрослые смотрели сквозь него, словно он был невидимкой. Родители вообще глядели мимо. Уильям к тому привык, объясняя это своим скучным, незапоминающимся обликом. Главной особенностью его внешности была блеклость: белесые волосы, светло-голубые глаза, очень бледная кожа, унаследованная от английских и ирландских предков. Уильям сознавал, что внутренний мир его столь же тускл и безынтересен, как и наружность. В школе он ни с кем не общался, с ним никто не играл. Но вот ребята с баскетбольной площадки дали ему шанс заявить о себе без помощи слов.

В пятом классе к нему подошел физрук:

— Я тут увидел, как ты бросаешь по кольцу. Какого роста твой отец?

— Не знаю. — Уильям ступешевался. — Нормального.

— Что ж, из тебя, может, выйдет атакующий защитник. Но тебе надо поработать над дриблингом. Знаешь Билла Брэдли? Ну, того детину из «Нью-Йорк Никс»? Вот как он тренировался мальчишкой: наклеит кусочки картона на очки, чтобы не видеть своих ног, и туда-сюда гоняет по улице, ведет мяч. Выглядел он, конечно, чокнутым, но зато приобрел бесподобный дриблинг. У него обалденное чутье на отскок, он вообще не смотрит на мяч.

В тот день Уильям помчался домой, чувствуя зуд во всем теле. Впервые в жизни взрослый его заметил, смотрел ему прямо в глаза, и от такого внимания он едва ли не разболелся. Перемогая приступ чиханья, Уильям отыскал игрушечные очки в ящике своего стола, но дважды наведаясь в туалет, прежде чем аккумуляторными картонками заклеил нижнюю часть оправы.

При всяком недомогании он думал, что умирает. Минимум раз в месяц после уроков Уильям забирался в постель, уверенный в том, что неизлечимо болен. Родителям ничего не говорил, ибо в семье запрещалось болеть. Кашель считался наиболее ужасным предательством. Когда случалась простуда, Уильям позволял себе кашлять, лишь укрывшись в гардеробе и зарывшись лицом в школьные рубашки с воротничками на пуговках. Знакомое покалывание в спине и загривке еще ощущалось, когда он, надев очки и схватив мяч, выскочил на улицу. Но сейчас болеть и бояться было некогда. Казалось, будто каждый фрагмент его личности, щелкнув, встал на свое место. Ребята на площадке и физрук его признали. Наверное, Уильям не сознавал, кто он такой, но жизнь ему подсказала: баскетболист.

Физрук дал пару советов по оттачиванию игровых навыков: «Защита — толкай противника плечом и бедром, судьи не сочтут это фолом. Скорость — на резком старте обводи соперника». Вдобавок Уильям работал над пасом, чтобы снабжать центрального ассистом. Он хотел сохранить свое место в парковой команде и понимал, что полезные передачи обеспечат ему репутацию ценного игрока. Он умел поставить заслон, обеспечив шутеру* возможность его фирменного броска. После удачного матча партнеры хлопали Уильяма по плечу и предлагали всегда играть за них. Подобное одобрение приглушало его затаенный страх, он знал, что ему делать на баскетбольной площадке.

Старшеклассником Уильям был уже достаточно хорош для школьной команды. Ростом пять футов восемь дюймов, он играл на позиции разыгрывающего. Усердные тренировки в заклеенных очках дали результат: Уильям определенно был лучшим дриблером в команде и неплохо бросал со средней дистанции. Своим ведением мяча он обеспечивал нападающим проход к щиту противника. Пасовал он неизменно точно, и партнеры признавали, что присутствие Уильяма на площадке гарантирует успешную игру. В команде он был единственным девятиклассником, и старшие товарищи никогда не приглашали его попить пивка в доме кого-нибудь из игроков, чьи родители на подобное смотрели сквозь пальцы. Уильям ошеломил своих партнеров и вообще всех, когда после десятого класса за лето вырос на

* Игрок — специалист в трехочковых бросках.

пять дюймов. Казалось, тело его, начав расти, уже не может остановиться, и к окончанию школы он вымахал до шести футов семи дюймов. Организм не поспевал за темпами роста, и потому Уильям был невероятно тощ. Когда по утрам он, пошатываясь, входил в кухню, мать смотрела на него испуганно; она постоянно заставляла его что-нибудь съесть, поскольку отвечала за питание сына и полагала, что его худоба выставляет ее в дурном свете. От случая к случаю родители приходили на баскетбольные матчи и чинно сидели на трибуне, глядя на абсолютно незнакомых игроков.

Их не было на той игре, когда Уильям ринулся подобрать отскок и, нарвавшись на мощный блок, взлетел в воздух. В падении он изогнулся, неловко приземлившись на правое колено. Сустав принял вес всего тела. Раздался хруст, в глазах поплыл туман. Тренер, у которого было всего два регистра — ор и бурчанье, рывкнул Уильяму в ухо: «Ты в порядке, Уотерс?» Обычно в ответ на его вопль или ворчание Уильям, не обладавший достаточной верой в себя, вместо утверждения прибегал к вопросительной форме. Сейчас же он откашлялся и сквозь густую вуаль тумана, пропитанного исходящей из колена болью, выговорил «нет».

Трещина в коленной чашке означала, что Уильям пропустит последние семь учебных недель в одиннадцатом классе. С загипсованной ногой ему предстояли два месяца на костылях. То есть впервые с пятилетнего возраста он не мог играть в баскетбол. В своей комнате Уильям, сидя за письменным столом, бросал шарики скомканной бумаги в мусорную

корзину у дальней стены. Туман в голове так и не рассеялся, противное ощущение холодной испарины тоже осталось. Врач сказал, что к следующему учебному году Уильям восстановится полностью и сможет играть, однако неотвязный страх не пропал. Время тянулось нескончаемо. Казалось, Уильям навеки закован в гипс, пригвожден к стулу, заточен в доме. Возникла мысль о невозможности дальнейшего пребывания в этой поломанной оболочке. Вспомнилась сестра Каролина, ее смерть. Уильям думал об ее уходе, которого не понимал, и, глядя на минутную стрелку, еле-еле переползавшую с одного деления на другое, хотел и сам умереть. Вне баскетбольной площадки от него никакого проку. Никто о нем не затоскует. Если он сгинет, покажется, что его не было вовсе. Каролину не вспоминают, и о нем тоже забудут. Лишь после того, как с Уильяма сняли гипс и он вновь смог бегать и бросать по кольцу, туман растаял, а мысли об исчезновении заглохли.

Перспективный баскетболист с приличным школьным аттестатом, Уильям получил изрядно приглашений от колледжей, команды которых играли в Первом студенческом дивизионе. Посулы стипендии и гарантия места в составе игроков весьма радовали, поскольку родители даже не обмолвились о готовности оплатить высшее образование сына. Уильям мечтал покинуть Бостон, от которого пока что отъезжал не дальше девяноста миль, но зной болотного Юга его пугал, и потому он принял предложение Среднезападного университета в Чикаго. В конце августа 1978 года Уильям, прощаясь на вокзале, поцеловал мать и пожал руку отцу. В тот момент его посетило

странное чувство, что он, наверное, больше никогда не увидит родителей, у которых, похоже, был всего один ребенок, и звали его не Уильям.

В колледже Уильям, записываясь на лекции, отдавал предпочтение историческим наукам. Он ощущал зияющие пробелы в своем знании того, как устроен мир, а история, казалось, на все имела ответ. Уильям ценил ее способность взглянуть на разрозненные факты и создать схему: если происходит *это*, получается *вот что*. Ничто не бывает абсолютно случайным, и, стало быть, можно прочертить линию от убийства австрийского эрцгерцога к Первой мировой войне. Университетская жизнь была непредсказуемо нова, и Уильям пытался не утратить самообладания, когда в шумном коридоре общаги оголтелые студенты приветствовали его возгласом «Дай пять!». Он распределял свое время между занятиями в библиотеке, тренировками на баскетбольной площадке и посещением лекций в аудиториях, зная, что нужно делать в каждом из этих мест. Юркнув на скамью лекционного зала, он раскрывал тетрадь и чувствовал невероятное облегчение, когда преподаватель начинал говорить.

На занятиях Уильям редко обращал внимание на других студентов, но Джулия Падавано выделялась среди участников семинара по европейской истории, ибо, разгорячившись, изводила вопросами профессора, пожилого англичанина с огромным носовым платком, зажатым в кулаке. Отбросив с пылающего лица длинные кудрявые волосы, девушка выдавала что-нибудь вроде «Во всем этом меня инте-

ресует роль Клементины*. Верно ли, что она была главным советником Черчилля?» или «Профессор, не объясните ли систему военных кодов? В смысле, как она работает? Хорошо бы привести конкретный пример».

Уильям никогда не выступал на семинарах и не обращался к преподавателям за консультацией. Он считал долгом всякого студента держать рот на замке и впитывать как можно больше знаний. Реплики кудрявой студентки порой казались ему интересными, но он разделял мнение профессора, что ее постоянные вставания попросту невежливы. В благоговейной тишине аудитории преподаватель усердно ткал словесный ковер мудрости, а эта девчонка постоянно дырявила эту ткань, словно не желала признавать ее существование.

Уильям оторопел, когда однажды после занятий она вдруг подошла к нему.

— Привет. Меня зовут Джулия.

— Я Уильям. Привет. — Пришлось откашляться, поскольку он заговорил впервые за день.

Большие глаза ее смотрели на него в упор. Солнечный свет золотил пряди в каштановых волосах. Она казалась освещенной снаружи и изнутри.

— Почему ты такой высокий?

Уильям привык к замечаниям о своем росте, он знал, что его удивительная долговязость вызывает желание как-нибудь ее прокомментировать, и неизменно слышал вопрос: «Как оно там наверху?»

* Клементина Черчилль (1885—1977) — жена премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля.

Однако теперь подозрительный взгляд девушки его рассмешил. Они стояли на дорожке, пересекавшей квадратный университетский двор. Уильям смеялся редко, но сейчас почувствовал, как по рукам забегали мурашки, словно он отлежал руки во сне. Но это было ощущение приятной щекотки. Позже, вспоминая эту встречу, он понял, что тогда-то и влюбился в Джулию. Вернее, его тело влюбилось в нее. Внимание особенной девушки, проявленное к нему во дворе, породило смех во всех закутках его тела. Измаянное скучной нерешительностью мозга, тело устроило фейерверк в нервах и мышцах, подавая знак, что происходит нечто важное.

— Чего ты ржешь? — насупилась Джулия.

Уильяму почти удалось подавить смех.

— Не обижайся, пожалуйста, — сказал он.

Девушка досадливо качнула головой:

— И не думала.

— Я не знаю, почему такой вымахал. — Вообще-то тайне он был уверен, что усилием воли приказал себе вырасти. Рост серьезного баскетболиста должен быть не меньше шести футов трех дюймов, и Уильям так этим озаботился, что сумел поправить законы генетики. — Я играю в здешней баскетбольной команде.

— Ну, значит, есть хоть какая-то польза, — сказала Джулия. — Может, как-нибудь загляну на игру. В принципе, я спортом не интересуюсь и сюда приезжаю только на занятия. — Она помолчала, потом чуть смущенно проговорила: — Ради экономии я живу дома.

Перед уходом Джулия дала свой номер телефона, который Уильям записал в тетрадь по истории, и они

условились о звонке следующим вечером. Было немного странно, что их отношения завязались прямо посреди двора. Похоже, девушка сама решила, что они будут парой. Позже она призналась, что на занятиях уже давно наблюдала за Уильямом и ей нравились его собранность и серьезность. «Ты не выглядел таким слабоумным, как другие парни», — сказала Джулия.

Даже после встречи с ней баскетбол по-прежнему занимал большую часть времени и мыслей Уильяма. В школьной команде он был лучшим игроком, а теперь с ужасом понял, что считается одним из самых слабых. Пусть он выделялся ростом, но другие ребята были гораздо крепче, ибо давно качались в тренажерном зале, а Уильям даже не знал о таком элементе подготовки. На тренировках его легко отпихивали и сбивали с ног. Он стал тягать штангу и после тренировки подолгу отрабатывал броски с разных углов. Вечно голодный, запасался бутербродами, рассовывая их по карманам куртки. Уильям понял, что ему отведена роль такого спайщика команды. Не выдающийся талант, он был полезен точными передачами, хорошими бросками и умелой защитой. Главным его достоинством было то, что он почти не допускал ошибок. «Отлично мыслит на паркете, но не прыгуч», — сказал о нем тренер, не зная, что Уильям его слышит.

Условием стипендии была работа в студенческом городке, и он, ознакомившись со списком вариантов, выбрал занятие в спортивном корпусе, где можно было заодно и тренироваться. В означенное время Уильям появился в прачечной, занимавшей

подвальный этаж огромного здания, где его встретила худая женщина в очках и с прической «афро».

— Ты ошибся местом, — покачав головой, сказала она. — Кто тебя сюда направил? Белые не работают в прачечной. Тебе надо в библиотеку или досуговый центр. Туда и ступай.

Уильям оглядел длинное помещение, вдоль одной стены которого выстроились три десятка стиральных машин, а вдоль другой столько же сушилок. Похоже, здесь и впрямь не было белых, кроме него.

— Какая разница? — возразил он. — Я согласен на эту работу. Возьмите меня.

Женщина опять так мотнула головой, что подпрыгнули очки, но сказать ничего не успела, ибо кто-то хлопнул Уильяма по спине, пробасив его имя. Обернувшись, он увидел тяжелого форварда Кента, тоже новичка в команде, только совершенно иных баскетбольных качеств. Атлетического сложения игрок, он исполнял зрелищные броски сверху, ожесточенно сражался за подбор, бешено носился по паркету, однако плохо читал игру, нередко терял мяч и не умел занять верную позицию в защите. Тренер хватался за голову, чумая от несоответствия физической мощи и скоростных данных этого парня с его ошибками на площадке.

— Привет, и ты сюда надумал? Если угодно, мэ, я введу его в курс дела. — Кент одарил суровую даму широкой обаятельной улыбкой, и та смягчилась.

— Ладно, бог с вами. Забирай новенького, а я приворюсь, что его здесь не было.

С тех пор Уильям и Кент так составляли график своих смен, чтобы работать вместе. Они перестира-

ли уйму полотенец и спортивной формы всех видов. Самой трудоемкой была футбольная форма, пропотевшая и во вьезшихся травяных пятнах, которые требовали специального отбеливателя. Парни разработали алгоритм каждого этапа стирки, сосредоточившись на согласованной продуктивности своих действий, и потому их работа напоминала продолжение баскетбольной тренировки. Время в прачечной они использовали для разбора матчей и поиска путей для улучшения командной игры.

Складывая полотенца в громадную кипу, Уильям говорил:

— Вот смотри, взаимодействие двух игроков: большой ставит заслон и освобождает легкого от опеки защитника. — Он сделал паузу, удостоверившись, что Кент следит за его мыслью. — Сам большой может провалиться под щит или отвалиться на бросок с дистанции.

— Пик-н-ролл!

— Именно. Если большой отдаст форварду, повторяется гибкий рывок.

— Слишком явно! А тренер велит раз за разом использовать этот прием.

— Потому что от него нет надежной защиты. Если все исполнить правильно, даже не самая сильная команда создаст угрозу...

— Ребя, вы сами-то себя слышите? — вмешался парень у соседней сушилки. — Не, я люблю баскет, но ни хрена не понял, о чем это вы.

Кент и Уильям только ухмыльнулись в ответ. После смены они поднялись в спортзал, где было на двадцать градусов прохладнее, и стали бросать по кольцу.

Родом из Детройта, Кент, имевший устоявшееся мнение обо всех игроках и командах НБА, частенько перемежал свою речь глупыми шутками, что летали по раздевалке, точно бумажные самолетики. На тренировках он то и дело получал от тренера выволочку за выпендреж, извинялся, но, не в силах сдержаться, через минуту уже вновь паясничал. «Освой азы!» — заходилась наставник.

Кент уверял в своем родстве с Мэджиком Джонсоном*, который в то время был выпускником Мичиганского университета и которому безоговорочно отдавали первый номер в предстоящем драфте НБА. Кент, всеобщий любимчик, легко сходился с людьми, и Уильям гадал, почему этот парень предпочел его общество. Видимо, ему глянулась молчаливость Уильяма, позволявшая верховодить в их дружбе. В основном балаболит Кент, и Уильям не сразу понял, что тот говорит о личном, дабы подвигнуть его на ответную откровенность. Выслушав историю о лейкемии бабушки Кента (болезнь эта ввергла в шок всю семью, верившую заявлениям чрезвычайно властной старухи, что она будет жить вечно), Уильям сказал, что за все это время лишь один раз обменялся письмами с родными и на рождественские каникулы не поедет домой.

Однажды после долгой вечерней тренировки приятели шли через притихший двор, чувствуя, как ноют натруженные мышцы.

* Ирвин Джонсон-младший по прозвищу Мэджик (Чародей) (р. 1959) — профессиональный баскетболист, в 1996 г. включенный в список пятидесяти величайших игроков в истории НБА.

— Когда тренер не ценит моей прекрасной игры, орет на меня и держит в запасе, я говорю себе, что все это хрень собачья, — сказал Кент. — Я собираюсь поступать в медицинскую школу. Так что не он определяет мое будущее.

— Ты собираешься стать врачом? — удивился Уильям.

— Стопроцентно. Пока не знаю, во что это обойдется, но еще прикину. А ты чем займешься после колледжа?

У Уильяма мерзли пальцы. Ноябрьский воздух, проникая в легкие, казался ледяным. Уильям сознательно не загадывал свое будущее, не думал о том, что станет делать после колледжа. Он хотел бы сказать «играть в баскетбол», но понимал, что недостаточно хорош для профессионального спорта. И вопрос Кента это подтверждал.

— Не знаю, — промямлил Уильям.

— Ладно, что-нибудь тебе подыщем. Ты способный, а время еще есть.

«Я способный?» — подумал Уильям. Он не знал за собой никаких талантов вне баскетбольной площадки.

В начале декабря, пятничным вечером, на игру пришла Джулия. Когда Уильям увидел ее на трибуне, у него поплыло в глазах и он упустил мяч, которым завладел соперник.

— Эй, что за дела? — рывкнул Кент, промчавшийся мимо.

Однако затем, играя в защите, Уильям сделал два перехвата, после которых счет изменился в пользу «Диких котов», а в атаке отдал пас форварду,

открывшемуся в углу площадки. Перед вторым перерывом Кент крикнул:

— Я понял! Здесь твоя девушка! Где она сидит?

После матча, в котором «Коты» победили, Уильям, проведший свою лучшую игру в сезоне, поднялся на трибуну поздороваться с Джулией и лишь тогда увидел, что рядом с ней сидят три похожие на нее девушки с такими же буйными кудрями до плеч.

— Познакомься, это мои сестры, — сказала Джулия. — Привела их оценить твою игру. Они вроде как скауты — так у вас говорят?

Уильям кивнул. Под пристальными взглядами четырех девушек он вдруг устыдился своих коротких спортивных трусов и растянутой майки.

— Нам понравилось, — сказала одна из сестер, с виду младшая. — Но спорт изматывающий. Я в жизни так не потела, как вы на площадке. Меня зовут Цецилия, а это моя сестра-близняшка Эмелин. Нам по четырнадцать.

Девочки одарили Уильяма дружелюбными улыбками, и он улыбнулся в ответ. Джулия и еще одна девушка, сидевшая по другую руку от нее, разглядели его, точно ювелиры — драгоценный камень. Он бы не удивился, если б кто-нибудь из них достал из сумочки лупу оценщика и приладил ее к глазу.

— В игре ты смотрелся очень... мощно, — сказала Джулия.

Уильям покраснел, у Джулии тоже порозовели щеки. Эту красивую девушку явно влекло к нему, и он не верил своей удаче. Прежде никто никогда его не желал. Вот бы подхватить ее на руки на глазах у сестер и всех зрителей, но подобная смелость была

не в его характере. Кроме того, он насквозь мокрый от пота. Джулия вновь заговорила:

— А вот моя сестра Сильвия. Я старше ее, но всего на десять месяцев.

— Приятно познакомиться, — сказала девушка.

Волосы у нее были чуть темнее, она была миниатюрнее и не такая пышная, как сестра. Она все так же пристально разглядывала Уильяма, а Джулия сияла, напоминая павлина, распутившего хвост. На блузке ее, обтягивавшей грудь, расстегнулась одна пуговка, открыв край розового лифчика. Перехватив взгляд Уильяма, Джулия быстро устранила непорядок.

— А сколько у тебя братьев-сестер? — спросила одна из близняшек. Не сказать чтобы девочки были на одно лицо, но Уильям их не отличал из-за одинаково смуглой кожи и темно-русых волос.

— У меня? Никого, — сказал он, хотя, конечно, подумал о фотографии рыженькой малышки в гостиной родительского дома.

Джулия уже знала, что он единственный ребенок в семье (вопрос о братьях-сестрах был одним из начальных в их первом телефонном разговоре), но три другие девушки уставились на него в ошеломлении.

— Это ужасно! — ахнула Эмелин/Цецилия.

— Мы должны пригласить его на семейный обед, — сказала Сильвия, и близнецы дружно закивали. — Он такой одинокий.

Вот так за четыре месяца учебы Уильям впервые обзавелся подругой, да еще новой семьей.